8 АВГ 1978
Комсомолец
г. Ереван

КОМСОМОЛЕЦ

Интервью после концерта

Алла Пугачева: каждый день — открытие

Стало уже почти правилом: на ее концертах бывает много зрителей, которым еще очень далеко до шестнадцати. И звучат вновь и вновь аплодисменты в честь непоседливого волшебника, который никак не мог постигнуть секреты своего мастерства, или арлекина, которому не всегда весело, даже если он смеется, или незадачливого короля, которому взбрело в голову — подумайте только! — жениться по любви...

— Эти песни ни в коем случае не адресованы прямо детям, — говорит Алла Пугачева. — Интерес юных слушателей к ним объясняется по-моему просто. Если для взрослых та непосредственность, максимальная приближенность к жизни и рождаемым ею характерам, которые я пытаюсь сообщить образам своих песенных лирических и сатирических героев, является часто неожиданной, то дети воспринимают все это как должное, как естественное и необходимое. Могу даже сказать, что непосредственность мировосприятия в чем-то роднит меня с моим юным слушателем. Не случайно, наверное, еще в начале своей «карьеры» с удовольствием записала я более десятка песен для детских кинофильмов.

Алла Пугачева, которой самозабвенно аплодировали взрослые и невзрослые любители эстрады почти по всей стране и за рубежом, на сцене уже более десяти лет. Однако она считает, что наиболее полно обрела свое творческое лицо после исполнения песни «Арлекино», где ей удалось по-настоящему раскрыть себя, стать самой собой на эстраде: здесь впервые к ней по-настоящему пришел профессионализм.

Профессионализм, как выяснилось, для Аллы понятие многозначное.

— Сегодня это означает не только самый высокий уровень вокала, — замечает она, как будто споря с невидимыми оппонентами. — Современная эстрада — это огромное многообразие жанров, и включение тех или иных элементов в исполнение песни не только обогащает, делает более глубоким песенный контекст, но зачастую является и просто обязательным, необходимым. Я, конечно, не хочу сказать, что в каждой песне должны присутствовать все известные сегодня компоненты эстрадного искусства, включая и оригинальный жанр, и хореографию, которая порой переходит на сцене в акробатику. Безусловно, комплекс использования выразительных средств должен всегда находиться в строгом соответствии с эмоциональным характером и образно-смысловой структурой исполняемого произведения. Но то, что это должен быть строго продуманный **комплекс**, а не вокал сам по себе — сегодня, учитывая опыт лучших мастеров и отечественной, и зарубежной эстрады, уже бесспорно.

Пугачева продолжает, полемизируя с одной известной советской певицей, как-то заявившей интервьюирующему ее журналисту: «Мне нравится Мирей Матье за то, что она на сцене... не бегает и не прыгает».

— Я видела программу, в которой Мирей Матье и «бегает», и «прыгает» на сцене, но делает это с таким мастерством, таким обилием образных находок, и в таком органичном сочетании с настроением и характером песни, что просто захватывает дух...

Самый большой минус современного эстрадного исполнителя, на мой взгляд, — консервативность, неумение в каждой новой песне оторваться от однажды найденного, пусть даже очень удачного в применении к данному контексту комплекса выразительных средств...

Мы беседуем в тихом и прохладном гостиничном номере Аллы. Недолгие часы перед концертами она, как правило, коротает здесь, избегая шумных улиц и многолюдных площадей — «чтобы не растратить, сохранить эмоции для выступления». Чтобы на эстраде выложиться полностью, поражая воображение зрителя и заставляя трепетать его сердце. В этих «передышках для вдохновения» ее частым спутником является фортепьяно. Алла — большой любитель фортепьянной музыки, часами может просиживать за инструментом, как бы растворяясь в неожиданных до парадоксальности пересечениях настроений и взрывах эмоций Скрябина, бурных и стремительных музыкальных монологах Шопена, глубоких и величественных мелодиях Баха...

А потом, вечером, она вновь становится сама собой. Какой? Озорной, задорной, задиристой, бесшабашной, нежной, стремительной и вкрадчивой, сильной и беспомощной... Об этом — эстрадном (и сценическом — ведь не случайно уже почти вошло в обиход выражение «театр Пугачевой») образе Аллы, — мой следующий вопрос.

— Первыми песнями, которые я считаю состоявшимися на эстраде, были, как я их сама называю, «песни-маски» — типа «Волшебника-недоучки», «Арлекино». В них ситуация подсказывала, какой мне быть. Затем последовал этап песен-монологов, исповедей. К ним относится, например, «Сонет Шекспира», «Приезжай», цикл «Зеркало души» и две последние песни, которые впервые исполняются в Ереване — «Золотая рыбка» и «Так случилось, мама». Этап более сложный, предполагающий различные, в зависимости от конкретного контекста, вариации одного и того же образа. Эти песни исполняю уже от своего «я», непосредственно, а не через «вспомогательный» образ передавая зрителю эмоцию, мысль, настроение. Думаю, что и этот этап подходит к концу.

В последнее время очень привлекает шлягерный стиль — его кажущейся повседневностью, незамысловатостью, за которыми кроется сложный и богатый калейдоскоп очень жизненных страничек, черт и черточек. Думаю попробовать эту манеру в сочетании со стилем «поп». Ищу молодых композиторов, которые помогли бы мне в выполнении этого замысла.

— Поиски «своего» композитора — всегда проблема для вокалиста...

— В этом отношении можно считать, что мне повезло: Б. Горбонос пишет специально для меня. Кроме того, с удовольствием исполняю ряд песен А. Зацепина, А. Бабаджаняна. Однако, это отнюдь не означает, что двумя-тремя именами ограничиваются мои пристрастия в эстрадной музыке. Так, в частности, привлекает умело и тонко найденное сочетание песенного фольклора и современной эстрадной музыки в репертуаре «Песняров», песнях Игоря Лученка. Нравится оригинальностью, богатством гармонии, свежестью мелодических находок музыка вашего земляка Роберта Амирханяна. Но это совсем не значит, что его песни подходят для моего исполнения.

— Вам приходилось выступать перед самой различной аудиторией...

— Не только перед различной аудиторией, но и в разных залах, это тоже важно на эстраде. Например, концерт, проведенный на стадионе, существенно отличается от выступления в сравнительно небольшом зале, где есть кулисы, занавес, сценическое пространство ограничено, у зрителей присутствует «ощущение театра», где видишь сразу почти весь зал. Интересно было в этом отношении выступление на ереванском велотреке, где, по существу, сцена отсутствовала вообще. А форма эстрадной площадки часто диктует, заставляет изменять на ходу манеру исполнения — чтобы не разочаровать аудиторию.

Впрочем, такие изменения происходят в песне почти на каждом новом концерте. Меняемся мы сами, с кем-то встречаясь, познавая что-то новое. Меняется зритель. Усиленная или приглушенная где-то интонация (та, что казалась вчера предельно выверенной), измененный жест, движение, несколько по-иному поставленный свет — все это «играет» на эстраде, рождает новую, порой неожиданную реакцию слушателей, открывает новые возможности «старой» песни. Поэтому каждый день на эстраде — это открытие. И это конкурс, на котором снова и снова надо одержать победу.

М. ВАРТАНЯН.